

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ЧАРОДЕИ	7
Глава 1. Во дворце и на плахе	9
Глава 2. Карты Судьбы.....	36
Глава 3. Тысячекратная Убийца.....	40
Глава 4. Игра в шашки	77
Глава 5. Падальщики	91
Глава 6. Секретная поездка	102
Глава 7. Сугубо дамские проблемы	118
Глава 8. Палач и аптекарь.....	132
Глава 9. Амфитеатр	140
Глава 10. Праздник во дворце и Сердце Мира	156
Глава 11. Остроумные решения и грязная работа	169
Глава 12. Допросы и видения	178
Глава 13. Каменный мешок.....	196
Глава 14. Кровь на камнях.....	211
Глава 15. Пепел и пламя.....	225
Часть вторая. ПСЫ	237
Глава 1. Вопрос доверия	239
Глава 2. Мальчик и девочка.....	285
Глава 3. Площади и подземелья	306
Глава 4. Наставники и ученики	343
Глава 5. Контрабандисты и оборотни	356
Глава 6. Гаремные обычаи	387
Глава 8. Словно магии не существует	426
Глава 9. Во имя Диври и Кентвайна.....	436
Об авторе	446

*А вне — псы, и чародеи, и любодее,
и убийцы, и идолослужители, и всякий,
любящий и делающий неправду.*

Откровение, 22:15

Часть первая ЧАРОДЕИ

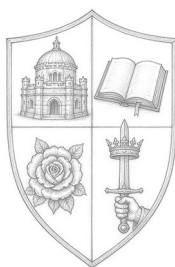
*В конце концов, убийство есть
убийство.
Доли смертных — ополчаться
на чудовищ,
Но кто сказал, что чудовища
бессмертны?*

Иосиф Бродский

*1569 год от Утверждения Канона,
события Третьего — Восьмого месяцев.*

Дробеза и Лейра

Глава 1. Во дворце и на плахе

Не каждый город может похвалиться тем, что на службе у него имеется собственный палач. Далеко не каждый. Хотя, по правде сказать, не везде он необходим. В маленьких городах смертные казни случаются редко — ну, некого обычно там казнить. А если уж обнаружится, паче чаяния, душегубец — того отправляют для экзекуции в град столичный. А на то, чтобы запихать воров, пьяниц, соблудивших жен и прочую шваль в колодки, а потом высечь, на ходятся добровольцы либо исполнителей назначает местный староста. Но если город побольше, где есть и настоящие тюрьмы, и настоящие пре-

Часть первая ЧАРОДЕИ

ступники, тут вопрос о том, кто будет производить казни, встает ребром. Подлинный умелец стоит дорого, не у всякого города казна позволит содержать такого, вдобавок обучение заплочных дел мастера требует времени.

И решают этот вопрос по-разному. Иногда в провинции приглашают палачей из крупных городов на одноразовую работу, иногда привлекают к делу гарнизонных профосов. Первое — слишком дорого, да и опасно тоже. Известны случаи, когда родственники осужденных убивали или похищали палачей, отправлявшихся на выезд. Наивные люди, они полагали, что в подобном случае казнь отменят. Ну, что ж, бывало, приходилось отменить, зато потом происходило их сразу несколько: сначала исходно приговоренного, затем означенных родственников. И вполне естественно, что выездные приезжие палачи, помимо обычного гонорара, требовали надбавки за риск.

Профос — армейский экзекутор — мог разрешить многие проблемы. Таковой должен иметься в каждой воинской части, по штату положен, так же как лекарь, квартирмейстер и жрец. Да только воинская часть не в каждом городе расквартирована, вот беда.

Потому чаще всего на эту важную, но малопочетную должность назначались добровольцы из числа осужденных преступников. Добровольцы находились всегда — ведь при таком раскладе им полагалось помилование. Ограниченное — с запрещением покидать пре-

дела тюрьмы, — но все же помилование. Так что найти кандидата труда не составляло. Однако ж чаще всего подобный добровольный палач не умел делать ничего, что необходимо при его ремесле. И поучительная процедура казни превращалась в сущее мучение как для казнимых, так и для зрителей. Нет, конечно, в толпе всегда ждут, чтоб осужденный помучился подольше, без этого и правосудие как бы не всласть. Но чего хорошего, когда осужденному отделяют голову от тела с шестнадцатого удара топором? Позор один. К тому же, если город вольный, купеческий — там, конечно, предпочитают приглашать гастролеров или брать из тюрем таких вот косоруких, лишь бы сэкономить.

Но если у города есть правитель, то для него содержание собственного заплочных дел мастера — это вопрос престижа.

В Дробезе свой палач имелся. И у его светлости князя не было оснований быть недовольным. Но и доволен он не был. Впрочем, Лайгде, князь Дробезы, вообще бывал доволен крайне редко.

— Вот, слышал я, что во времена Союзной Империи были настоящие школы палачей. Ученики постигали искусство с отроческих лет, войдя в возраст, сменяли стариков, уходящих в отставку, и не было никаких сложностей с осуществлением правосудия, — сообщил он своему министру Фиахре, усаживаясь в кресло на балконе.

— Но ведь это было так давно, — ответил Фиахра.

Часть первая ЧАРОДЕИ

Кроме этой глубокомысленной банальности, Фиахра сейчас ничего не мог выдать, да князь ничего иного от него и не ждал. По правде говоря, как правило, никто не ждал. Всем в Дробезе было известно, что Фиахра — сутулый, рано облысевший толстяк — ленив и глуп и удерживается на своей должности благодаря древности рода и весьма значительному состоянию.

Князю же было известно, что Фиахра прекрасно образован, когда требует дело — энергичен, и, если называть вещи своими именами, большая сволочь. И это его светлость вполне устраивало.

Фиахра был не такой дурак, чтобы спорить с князем, да еще публично. Однако он прочел достаточно книг по истории Союзной империи, чтоб усомниться в словах его светлости. В школы палачей он не верил, равно как в школы магов и шпионов. Выдумки сочинителей — не бывает по определению.

Фиахра вообще мало во что верил, и отчасти именно это помогало ему справляться с обязанностями. Верил ли он в Семерых Богов, вращающих колесо мироздания? Если б ему задали такой вопрос, он бы, безусловно, ответил утвердительно. Ибо сам неоднократно предоставлял на подпись его светлости смертные приговоры еретикам и отступникам.

Но сегодняшняя процедура не имела к еретикам никакого отношения. Тем не менее в Дробезе ее давно ждали, причем с нетерпением. Народ здешний, как положено народу,

терпелив и многое способен вынести от обличенных силой — независимо от того, подкрепленная ли эта сила законом или нет. Но шайка некоего Хати по прозвищу Жареные Пятки перешла всякие пределы, в которые укладывается народное терпение. Слов нет, обычай при грабеже поджаривать жертве ноги, дабы вызнать, где спрятаны деньги и ценности, очень древний и распространен во множестве стран. Но как-то другие разбойники ограничивались при том взрослыми, Хати же распространял свои методы и на детей. Да и вообще перебирал с пытками, чем вызвал особое раздражение властей, ибо пытки есть привилегия суда, а не беззакония. Сочувствие же народа, нередко сопровождающее разбойников, Хати и его подельники потеряли. Так что, когда князь, наконец, выслал против Хати солдат, никто не стал укрывать атамана и его банду. Более того, арестованных даже пришлось защищать, ибо в противном случае их растерзали бы по пути в город. Но нет. Своей наглостью разбойники нанесли оскорбление власти. Они осмеливались грабить не только купеческие обозы, деревни и постоялые дворы, но и предместья княжеского города. А потому правосудие и воздаяние должны были свершиться в Дробезе.

Из-за того, что нынешнее мероприятие носило не политический, но исключительно назидательный характер, супруга его светлости отказалась присутствовать. Она заявила, что это ее утомляет, вдобавок многочасовое сидение

Часть первая ЧАРОДЕИ

на солнце и под ветром плохо сказывается на ее нежной коже. А день обещал быть как солнечным, так и ветреным. Это вообще было свойственно Дробезе с ее резкими сменами жары и холода.

Но мужчины не должны пренебрегать своими обязанностями из-за капризов погоды, даже если экзекуция растянется надолго. Суд постановил: поначалу душегубы на себе испытают то, что чувствовали их жертвы. Им будут жечь ноги на жаровнях. Но не до смерти. Потому что затем последует основная часть наказания — преступников колесуют.

Наказанию подлежало десять человек, и ясно было, что при самой четкой и слаженной работе быстро никак не управиться. Оттого начать следовало пораньше. Однако за казнью собирался наблюдать князь, а будить высокую особу за ради наказания подонков ни свет ни заря никак не подобает. И начинать пришлось отнюдь не на рассвете.

Вот простонародье — те начали собираться на площади еще затемно. Горожане, естественно, да приезжие, успевшие прибыть в Дробезу. Их было немало. Те, кто устремился в город после того, как поутру открыли ворота, оказались в задних рядах на запруженной народом площади. Оставалось надеяться, что помост изрядно высок и происходящее на нем можно рассмотреть из самых дальних уголков.

Но осужденных все не везли. Только после того, как его светлость появился на балконе

ГЛАВА 1. ВО ДВОРЦЕ И НА ПЛАХЕ

дворца в сопровождении Фиахры, стало ясно, что главные герои представления вскоре пожалеют.

Его светлость благосклонно озирает столицу подвластного ему княжества. Лишь малые города ставят у себя святилища сразу всей Семерке. Уважающий себя город строит храмы для каждого из богов в отдельности, и особо почитает того, кого избрал своим покровителем.

Покровителем Дробезы издавна считался Старший Сын, Разрушитель, и его светлость не видел никаких оснований отступать от обычая, хотя в просвещенное время цивилизованному городу почитать божество стихийных бедствий как-то не с руки. Но обычай есть обычай, он превыше доводов рассудка. И казнь была назначена на нгаяр — день Разрушителя. Хотя некоторые теологи утверждали, будто для казней больше подходит рассаяр — день Дочери, ведающей мудростью (разве правосудие вершат не с ясной головой?), эркеяр — день Мастера, хозяина всех ремесел (палач ведь тоже ремесленник, верно?), или даже иеррар — день Творца (разве, расставаясь с жизнью, казнимый не воссоединяется с создателем всего сущего?).

Дробеза была вполне ортодоксальным городом, здесь почитался пантеон, признанный каноническим в те славные времена, когда королевство Михаль победило Союзную империю и само стало империей. Империя Михаль давно уже распалась на несколько самостоятельных государств, но религиозные установления,

Часть первая ЧАРОДЕИ

принятые тогда, неукоснительно почитались. И ереси преследовались, а отступников в Дробезе карали на той самой площади, на которую выходил балкон дворца. Но сегодня все должно было обойтись без религиозной подоплеки. Обычная рутинная процедура, только очень длинная. А кому посвящен сей день, в сущности, не имеет значения. Главное, чтоб соблюдался порядок.

Пока что все шло прилично и благопристойно. Его светлость и сам был мужчина благообразный — с правильными чертами лица, украшенного раздвоенной на клинья светло-каштановой бородой, и светло-голубыми глазами. Облачен он был в полуофициальный сине-красный кафтан. Если бы казнимы были политические преступники, пожалуй, следовало явиться перед подданными в мантии, а так — мерзавцы того не стоят. Но знаки власти все же должны быть явлены, и голову его светлости венчала легкая корона. Дробеза, конечно, вассальное княжество короля Лейры, но не следует забывать, что здесь, у себя, Лайгде — автократ в своем праве.

Наконец на площади показали повозки с осужденными. Князь узнал о них раньше, чем узрел, — по шуму в толпе. Вгляделся. Он видел Хати и его подельников в первый раз. Сам он следствием не занимался — опять-таки, не по чину мерзавцам.

Хати Жареные Пятки, багроволицый, с мощным загривком и руками-окороками, был закован в кандалы, остальные связаны попарно

ГЛАВА 1. ВО ДВОРЦЕ И НА ПЛАХЕ

сыромятными ремнями, кроме последнего, которому пары не досталось из-за того, что Хати был в железах. Этого упаковали единолично.

— А выглядят они бодро, — щурясь на солнце, сказал его светлость. — Даже не отощали на тюремных харчах. И не похоже, чтоб их допрашивали... с пристрастием.

— С пристрастием — нет, ваша светлость. Не было такого распоряжения. Растянули, конечно, при снятии показаний для порядка, а больше нет.

— То есть наш душегуб к ним зван не был.

— Невеликого полета птицы, ваша светлость. Для допросов при тюрьме свои костоломы, из ограниченно помилованных... — Фиахра покосился на князя, словно бы уточняя: «Что-то сделано не так?»

Однако его светлость был настроен благодушно.

— И то — следовало сохранить их в нужной кондиции до казни, чтоб своими ногами на помост взошли, иначе смысл сего представления пропал бы втуне. О, вот и он. Я и не заметил, как он появился.

— Должно быть, у помоста стоял, — буркнул Фиахра.

По дощатой лестнице на помост поднимался тот, кто не был главным героем нынешнего представления, но без кого это представление не могло состояться.

В некоторых городах палачи прикрывают лица от честных людей. Но не нынешний ма-

Часть первая ЧАРОДЕИ

стер-палач Дробезы. Всяк мог видеть, что это человек довольно молодой, с лицом резким, скуластым, черноволосый и темноглазый. При всей крепости телосложения (а ему могли бы позавидовать гвардейцы королевской стражи Лейры) он выглядел более измученным, чем Жареные Пятки с товарищами, и двигался с трудом — настолько, что его поддерживала под локоть женщина в простом коричневом платье, до бровей закутанная в платок.

— Что это он, с похмелья или захворал? — спросил князь, без особого, впрочем, удивления. — Он же еле ноги волочит.

— Всяко может быть, — спокойно отвечал Фиахра. — Но вы же знаете — хмельной ли, больной, — наш душегуб всегда доведет дело до конца.

И князю, и Фиахре было известно имя палача — Дабар, но они предпочитали не произносить его. Словно это непристойность, которую в разговоре надо заменять каким-то благоприличным словом.

Дабар не был подмастерьем прежнего палача Дробезы (а сменяли мастеров на этом посту чаще всего подмастерья, как правило — сыновья или зятья). Он появился в Дробезе года три назад и предложил городскому совету свои услуги. Чиновник, принимавший его на службу, в иное время, может, и пренебрег бы неизвестным человеком безо всяких рекомендаций, но тогдашний городской палач (тоже из «ограниченно помилованных») очень уж опозорился.

Накануне казни одного грабителя он в тюрьме так упился вместе с осужденным и жрецом, кому полагалось отпускать преступникам грехи, что перепутал своих приятелей и наутро с пьяных глаз вместо грабителя повесил жреца. Когда известие о конфузе дошло до князя, он сперва посмеялся, а потом приказал сместить с ответственной должности дурака и пьяницу и покарать того смертью. Таким образом образовалась вакансия, а бывший палач стал первым, на ком Дабар выказал свое умение. И, как уже сказано, за три года ни князь, ни Фиахра, ни городской совет претензий к нему не имели. Если Дабар и пил — а временами создавалось такое впечатление, — на его работе это никак не сказывалось.

Разумеется, в городе его боялись и ненавидели, а иначе какой же он палач? Занимался он только казнями, иногда, по особому распоряжению князя, и пытками. В вольных городах на палачей зачастую сваливались и другие обязанности — например, надзор за публичными домами или очистка улиц от падали — словом, все виды работ, коими другие чиновники брезговали. Но его светлость ни за что бы такого не позволил. Человек, творящий правосудие от имени князя, его карающий меч — и этакая мерзость. Пусть шлюхами и дохлыми собаками занимается кто-то другой.

Учеником или подмастерьем Дабар не обзавелся. Не то чтобы назрела необходимость передать кому-то свое мастерство — Дабару было далеко до старости. Но бывают такие эк-

Часть первая ЧАРОДЕИ

зекуции — вот как сегодня, например, — когда палач в одиночку просто не справится. Для этого в помощь отряжали подручных из гарнизона либо из тюрьмы. А в последний год Дабару стала помогать его сожительница. Чем он еще больше напугал честных жителей Дробезы. Виданное ли дело — бабу к этакому занятию приставить, что значит — пропащая душа, Семерыми проклятая! Но закона, запрещавшего такое, в Дробезе не было, и власти не мешали женщине помогать сожителю. В отличие от Дабара эта женщина на службе не значилась, жалованья не получала, по ведомостям не проходила, и Фиахра не знал ее имени, да и не интересовался. Ясное дело, ни одна порядочная с палачом жить не станет. Бабы палаческие — либо из шлюх, либо из осужденных. Если мужчина от смертного приговора спастись может тем, что в палачи пойдет, то женщина — тем, что выйдет замуж за палача либо его подмастерья. Таков был старинный обычай. Но тут был не тот случай, иначе бы Фиахра об этом знал. Стало быть, подобрал себе душегуб гулящую бабу, так что о ней и думать.

Стражники тем временем вывели на помост первую партию осужденных во главе с Хати. Там уже стояли жаровни, и баба палача помешивала в них угли, покуда осужденных освобождали от пут и лишней одежды. Опять-таки по обычаю одежда казнимых отходила палачу, но Дабар, насколько было известно Фиахре, не слишком этим обычаем пользовался. Да и что взять с этих